

Вероисповедание (исповедание, конфессия, юрисдикция) – это слово (лексема) современного русского языка, которое используется в отечественных юридических документах с XVIII века, в том числе в ныне действующем Федеральном законе N125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997).

Слово «вероисповедание» в системе Google можно найти в 481 000 документах (на 01.12.2014). В ресурсе «Национальный корпус русского языка» можно обнаружить 109 документа и 136 вхождений, причем «пики» приходится на 1819 (1), 1910 (2) и 1870 (3), при этом в XXI веке его употребление явно снижается.

Уже в «Духовном регламенте» (1721) говорилось об «исповедании православном» и «исповедании Христианском», как приверженности к спасительному Закону Божьему, которым противопоставлялись «стыдное идолослужение», «богопротивное суеверие», «пребезумные ереси», «раскольники», «иноверцы», «Латини» и «новейшие иноверные учителя». Иоанна-Елизавета Ангальт-Цербстская (мать Екатерины II, урожденной лютеранки Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg), описывавшая прибытие ее с дочерью в Россию и торжества по случаю «присоединения к православию» последней (1744), отмечала, что Симон Тодорский («архимандрит и духовник Его Императорскаго Высочества Великаго Князя») основательно знал «три вероисповедания, так как долго слушал лекции в Галле», он был «очень сведущ в истории своей церкви и в началах, на которых она основана», при этом, зная «наши опасения против некоторых внешних обрядов его вероисповедания», смог изложить ей «греческие догматы», показав, те «малоосновательныя предубеждения, в которыя мы погружены или по незнанию, или по небрежению». По указанию Екатерины II Святейший Синод выпустил известный эдикт «о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам» (17.06.1773). Особенность этого периода было то, что сама

«принадлежность» практически была не делом «свободного выбора» (за редким исключением, к примеру, «бракосочетания» высочайших особ), но вопросом «природного происхождения», субъектом права были конкретные разрешенные «исповедания», к которым тот или иной «подданный» должен был «принадлежать», хотя, нередко, только «формально» с позиций более или менее последовательного «ригоризма» (т.н. «двоеверие народа»). Такой принадлежности противопоставлялись «язычество», «суеверие», «ереси», «богохульство», «раскол» и т.п. «преступления». Слово «вероисповедание» («исповедание») означало в этом контексте:

- 1) «символ веры», т.е. догматические формулировки, произнесение которых делает человека принадлежащим к сообществу «Российская церковь» («христианское православное учение», «греческие догматы», «Закон Божий»);
- 2) само сообщество «Российская церковь» («правоверных», «христиан», «верных православному учению»)
- 3) собирательное наименование ряда сообществ («принадлежащих вероучениям», «иноверных исповеданий»), разрешенных в Российской империи.

Новая ситуация складывается в XX веке, начало которого ознаменовалось изданием Указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (17.04.1905), где еще содержались дифференциации «Православная вера», «другие христианские исповедания или вероучения», «магометанское исповедание», «инославные исповедания», «вероисповедания или вероучения» вообще, было разрешено переходить из одного «вероисповедания» в другое, вводилось переименование «раскольников» (их стали делить на «старообрядческие согласия»; «сектантство» и «последователи изуверных учений»), а «идолопоклонников и язычников» (буддистов) было постановлено именовать «ламаитами». П.А.Столыпин немного позднее обсуждал распространенность в России «индифферентных» и «неверующих», которые только формально именуется «православными», отмечая, что таких гораздо больше, чем тех

«которые решатся перейти в магометанство, буддизм или еврейство», полагая при этом, что «народ не примет» уравнивания православия с «язычеством, еврейством или магометанством» в рамках «отвлеченной теории свободы совести» и «чисто вывесочного характера» самого принципа свободы вероисповеданий.

В 1917 году Временное правительство издает два постановления, где все ограничения граждан «свободной страны», связанные с «принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности», упразднялись (22.03.1917 и 14.07.1917). «Вероисповедание» отождествляется с «религией» как таковой и в той же логике первая «Конституция Российской Советской Республики» (10.07.1918) устанавливала, что «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», однако, в редакции от 18.05.1929 появляется утверждение, что «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», а нормативным начинает считаться не менее безальтернативный, чем до 1917 года, новый феномен «принадлежности к единственно верному атеистическому марксистско-ленинскому мировоззрению», которое в рамках ряда концепций само выступило как «квазирелигия» или «светская религия».

Согласно действующей Конституции РФ (12.12.1993) «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (Статья 28). Аналогичны и формулировки ныне действующего Федерального закона N125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (26.09.1997) где утверждается, что «в Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания» (Статья 3.1), при этом термин «вероисповедание» выступает как обозначение и «религии» (как единства доктрины, объединения и культа), и «индивидуального исповедания», и «сообщества», и одного из «признаков»

(«кредо», «доктрина»), выделяющих «религиозные объединения» как специфичную форму «добровольного объединения граждан» (Статья 9.1).

В современных исследованиях, носящих международный характер и предполагающих выработку универсальной терминологии, словосочетание «свобода вероисповедание» обычно переводят как «freedom of religion» (другие версии: «freedom of conscience», «religious freedom», «religious liberty» и т.п.). Социология религии ведет исследования того, как граждане РФ воспринимают свою «вероисповедальную принадлежность», «приверженность религии», «религиозность» или «воцерковленность».

Таким образом, слово «вероисповедание» может выступать как многозначная лексема современного русского языка или как термин:

юриспруденции, обозначающий определенного «субъекта права» (юрисдикцию как «сообщество»), обладающего «приверженцами», «вероучением», «культом» и «историческим значением»;

социологии религии, обозначающий 1) форму «религиозного объединения», т.е. эмпирическое сообщество (институция), относящее себя к определенной «религии» (церкви, секте, движению и т.п.); 2) форму «доктрины религиозного объединения», т.е. представленное как текст «учение» эмпирического сообщества; 3) форму переживания личной «духовной приверженности» («религиозные чувства», «энтузиазм» и т.п.) «религиозной идентичности», «духовного прозрения», т.е. добровольного и интимного приятия «учения» той или иной «религии» как «традиции», «истины»), порой весьма «размытых» и «синкретичных» с внешней точки зрения.

Слово «вероисповедание» часто смешивают с терминами «конфессия» и «юрисдикция», которые можно отнести к относительно новым словам (лексемам) современного русского языка, входящим в широкое употребление только после «перестройки» конца XX в., происходящее от латинского слова «confessio» (исповедь, исповедание) и обозначающее, согласно словарям русского языка, «вероисповедание», которое, в свою очередь, может пониматься в двух смыслах:

1) совокупность людей, принадлежащих к одному вероисповеданию (воображаемое сообщество «идеально должного вероисповедания»);

2) добровольное объединение граждан (фактически данное объединение).

«Конфессией» сегодня именуют и «религию» как таковую, и «направление религии» (христианство), и «ветвь христианства» (православие), и конкретную православную юрисдикцию (РПЦ МП), и «религиозное объединение» вообще, включая «конфессию шаманистов» или сам «воображаемый образ идеального должного вероисповедания», индивидуально конструируемую «искреннюю исповедь сердца (совести)». Оба отмеченных выше смысла часто смешиваются, поскольку исторически само христианство, с развитием которого неразрывно связано слово «confessio», возникает именно как «добровольное объединение» тех, кто «собирался во имя Его», но за первые три столетия превращается в «Кафолическую еkkлeсию» («καθολικὴ Ἐκκλησία», «the katholik Ekklesia»), как новую доктринально самоутверждающуюся («аутопойетическую» в терминах Н.Лумана) общность. Именно «Кафолическая еkkлeсия» становится государственно признанным сообществом «принадлежащих к одному вероисповеданию» (приверженцев creeds, σύμβολον «истинной религии», разработанной теологами), которая выступила как внутренне необходимая каждому индивиду и безальтернативная причастность к Богу, т.е. основанию высшего порядка бытия, как это описано, к примеру, в знаменитой «Confessiones» Августина (398 г.). Прежняя «добровольность» сменяется практически «природной принадлежностью», формируются «этноконфессиональные сообщества», где «теологическое» становится частью «народной религии».

Расколы и конфликты эпохи Реформации делают слово «confessio» собирательным теологическим термином, обозначающим разрешенные императором или князем «исповедания» (к примеру: «Аугсбургское исповедание» 1530-1540 г.: «Augsburg Confession», «Confessio Augustana», «Augsburgische Konfession», «Augsburger Bekenntnis»). Эта эпоха породила в Европе и США волны «ривайвизма», общины «евангельских свободных

церквей», в которых нормативными становятся «добровольное объединение» и осознанность «пребывания в сообществе», когда «сердце и совесть» решают вопрос о «всерьез» приемлемой «деноминационной идентичности», а «creeds» может быть делом личного «видения» и ситуативной интерпретации.

Отечественная ситуация в советский период, начиная с «Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях» (от 08.04.1929), определялась тем, что в эти годы было сконструированы понятия «культовые объединения всех наименований», «религиозно - культовое объединение» или «религиозное объединение верующих граждан всех культов», которые, с одной стороны, имели право «добровольно объединяться», но, с другой, должны были зарегистрироваться как «совокупность людей, принадлежащих к одному вероисповеданию», при этом предписывалось, что «каждый гражданин может быть членом только одного религиозно-культового объединения (общества или группы)». Только «пост-советский» период конца XX и начала XXI веков вызвал к жизни широкое употребление прежде мало распространенного термина «конфессия», который стал маркировать все, что в массовом сознании и ряде идеологических проектов воспринимается и символически конструируется как феномен «высшего» или «особого» статуса, содержанием которого является «связь человека с Сакральным Космосом» (в терминах П.Бергера) или «надзирание за неизвестным» (Н.Луман).

Исследования последних лет показывают, что возможность выделения в обществе специфичных «религиозных объединений», характеризующихся постулируемой «однородностью» может преувеличиваться ее «теоретиками», конструирующими «воображаемые сообщества» (в терминах Б.Андерсена). Социологические исследования современной ситуации в России показывают, что многие, назвавшись «православным», «не верят в Бога», практически не знают «основ вероучения», не участвуют в «приходской жизни» и «богослужебной практике».

Многозначное слово «конфессия» современного русского языка следует отличать от аналитического его значения как термина в работах по социологии религии в таких «макротеориях», как, к примеру, концепции П.Бергера или Н.Лумана, где он может использоваться для обозначения:

1) собирательного класса любых доступных для эмпирического анализа социальных феноменов, контекстуально квалифицируемых как «религиозные объединения», которые системно различны между собой как специфические группы сравнительного сходства таких форм как, к примеру, «добровольных сообществ» («экклесия Пятидесятницы»), принудительных «государственных религий», «квазирелигии государственного атеизма в СССР» или гротесковых «пародийных религий». В СССР предпринималась попытка конструирования термина «религиозные объединения верующих граждан всех культов», при этом слово ключевым термином было «культы», что позволяло редуцировать христианство к феноменам уровня шаманизма именно как к «культовым сообществам» той части населения, которая воспринималась в качестве потенциальной (или актуальной) угрозы перспективе строительства «коммунистического общества». В постсоветской России слово «конфессия» стало выступать как универсальный маркер всех сообществ, так или иначе коннотирующих с «религией» в широком смысле этого слова, оказавшись пригодным для символического конструирования понятия о «сообществе носителей высших духовных ценностей», в рамках которого и шаманизм сегодня стал позиционировать себя как локальную «конфессию» и «сохранение традиций народа». Такие универсалистские редукции маскируют существенные системные различия между такими социальными феноменами как, к примеру, «Сахилгаан» («Молния», «религиозная общественная организация шаманистов» в Иркутске), «Московский Патриархат» или «Русская Пастафарианская Церковь Макаронного пастриархата».

2) разделительного класса персональных самоидентификационных феноменов («сердцем и душой» принимаемой «идентичности»), обладающих постулируемыми «единством» и «подлинностью», определяемыми специально

разработанными *маркерами и индикаторами*, характеризующимися «искренним чувством сопричастности таинственному», которые, однако, в рамках каждого «сообщества» дифференцированы для пастырей/пасомых, клира/мирян, детей/взрослых с целым спектром понимания «нормативности» (т.н. «икономия» и «акривия»).